

Кровь для доброго сказочника

Литовцы показали москвичам слишком «театрального» Гришковца
Новые известия. - 2005. - 26 сент. - с. 5

Ольга Егошина

Вильнюсский Театр Оскараса Коршуноваса привез в Москву на фестиваль «Новая драма» постановку пьесы Евгения Гришковца «Город». Пожалуй, самым трогательным моментом спектакля стало размышление героя о том, что «вот говоришь русским языком, а никто тебя не понимает».

Появившись на театральном горизонте лет пять назад, Евгений Гришковец с ходу занял давно пустующую в нашем театре нишу рассказчика. Пожалуй, после Иракия Андроникова на нашей сцене не появлялся персонажа, окруженного таким интересом и симпатией. Андроников сделал своей специальностью рассказы о встречах с выдающимися людьми, приключения в мире культуры и исторических штудий. Евгений Гришковец специализировался на мире более камерном и интимном, знакомом каждому его слушателю. Празднование Нового года с салатом «оливье», окна любимой, мечта выйти на эстраду и спеть «Луч солнца золотого», сладкая грусть от детского стиха «Зайку бросила хозяйка»... Герой «Города» переживает такой знакомый кризис, когда все елочные игрушки кажутся фальшивыми, поскольку не радуют. Так или иначе, у каждого в жизни наступает момент, когда тошнит и от работы (даже интересной и высокооплачиваемой), и от домашних (даже нежно любимых и таких понимающих). Каждому хотя бы раз хочется все бросить и уехать далеко-далеко. Или, как уточняет герой «Города», «уехать не куда-то, а откуда-то».

Герой «Города», поставленного впервые в «Табакерке», радовал именно своей узнаваемостью. Потом появилась постановка в «Школе современной пьесы». И уже тогда стало понятно, что раз рассказанная история при повторе что-то теряет. Вот и привезенная из Литвы постановка Оскараса Коршуноваса и Саулюса Миколайтиса стала скучноватым перепевом отыгранных мотивов.

На сцене, затянутой заляпанным известкой целлофаном, стоит комнатная выгородка с грязными стенами. Жена героя отмоет стеклянную дверь. В прорези окошек то появится телевизор с передачей про животных, то будут заглядывать по очереди жена, друг, отец, водитель такси. С каждым из них герой ведет свои длинные беседы, больше всего похоже на монолог, разделенный на части.

Русские актеры чаще всего копируют интонацию самого Гришковца. Литовцы играют куда более ярко: с повышением голоса, выплеском темперамента. И как раз эта «театрализация», как выясняется, с Гришковцом сочетается плохо. Его тексты не поддаются разыгрыванию – только прочтению. Причем прочтению достаточно жесткому. Гришковец не дает постановщикам свободы маневра. Хорошо рассказанная история несет слишком явный отпечаток своего автора, его интонаций, личностных особенностей. Пытаясь вырваться из заданных узких границ, постановщик делает неожиданный финт в финале: водитель такси здесь не просто подвозит героя, но расправляется с

Литовцы играли ярко и эмоционально.

ним несколькими точными ударами и погрошит карманы. Никак не мотивированный сюжетно или логически выплеск агрессии вполне объясним, если учесть положение постановщика, сражающегося с текстом, который не дает возможностей маневров, интерпретаций, смысловых поворотов.

Потеряв очарование непосредственно-го высказывания, текст Евгения Гришковца не приобрел эластичности классики и не стал «хорошо сделанной пьесой». Представляя спектакль публике, организаторы фестиваля назвали Гришковца самым известным российским драматургом (надо полагать имелось в виду «самым известным драматургом «Новой драмы»). Но сейчас пьесы Евгения Гришковца, когда-то бывшие главной надеждой «Новой драмы», показывают ее тупики и опасности.